

От этических иллюзий к политической реальности: критика нормативных подходов в исследованиях о международной безопасности

Алексеев Роман Андреевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, факультет международных отношений и политических исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

студент 2-го курса магистратуры;

e-mail: ralekseev-24@ranepa.ru

Научный руководитель:

Гайдаев Олег Сергеевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, факультет международных отношений и политических исследований, кафедра международных отношений (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

старший преподаватель кафедры, кандидат политических наук;

e-mail: gaydaev-os@ranepa.ru

Аннотация

Работа посвящена критическому анализу «теории справедливой секьюритизации» Р. Флойда, которая представляет собой попытки внедрить универсальные морально-этические нормы в практику обеспечения безопасности. С помощью сравнительного анализа кейсов мировой политики демонстрируются главные противоречия рассматриваемой нормативной теории: 1) невозможность объективно верифицировать экзистенциальную угрозу, 2) игнорирование критериев пропорциональности и минимизации ущерба под давлением бюрократических и политических интересов, 3) инструментализация гуманитарной риторики ради стратегических целей и 4) узость ценностной базы, основанной на западной либеральной модели. Эти противоречия показывают, что без закрепленных механизмов наднационального принуждения этические критерии остаются преимущественно риторическим ресурсом. Таким образом, нормативные подходы в исследованиях безопасности оказываются только ограниченно полезными для анализа и объяснения действий государств в исследованиях безопасности. При этом необходимо констатировать важность нормативного дискурса как инструмента, побуждающего пересматривать границы допустимого в сфере безопасности и способного стимулировать секьюритизирующих акторов к выработке более взвешенных решений. *Ключевые слова:* секьюритизация; теория справедливой секьюритизации; нормативные подходы; международная безопасность; гуманитарная интервенция; стратегические интересы.

From Ethical Illusions to Political Reality: A Criticising Normative Approaches in International Security Studies

Roman A. Alekseev, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Faculty of International Relations and Political Studies (Saint Petersburg, Russian Federation)

MA student;

e-mail: ralekseev-24@ranepa.ru

Academic Supervisor:

Oleg S. Gaidayev, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management, Faculty of International Relations and Political Studies, Department of International Relations (Saint Petersburg, Russian Federation)

Senior Lecturer of the Department, PhD of Political Sciences;

e-mail: gaidayev-os@ranepa.ru

Abstract

The paper deals with the critical analysis of R. Floyd's "theory of just securitization", which attempts to incorporate universal moral and ethical norms into security practices. Via the comparative analysis of global political cases, the author demonstrates the main contradictions of this normative theory: (1) the impossibility of objectively verifying existential threats, (2) the neglect of proportionality and damage minimization criteria under the pressure of bureaucratic and political interests, (3) the instrumentalization of humanitarian rhetoric for strategic purposes, and (4) the narrowness of the value base grounded in the Western liberal model. These contradictions reveal that without established mechanisms of supranational enforcement, ethical criteria remain primarily a rhetorical resource. Thus, normative approaches in security studies prove to be only marginally useful for analysing and explaining state's actions in the research works on security issues. At the same time, it is essential to acknowledge the importance of the normative discourse as a tool that encourages rethinking the boundaries of what is acceptable in the realm of security, and can encourage securitizing actors to develop more balanced decisions.

Keywords: securitisation; fair securitisation theory; normative approaches; international security; humanitarian intervention; strategic interests.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках академических исследований в сфере безопасности вопросам морали и этики традиционно уделялось небольшое внимание [5, с. 4]. При этом морально-этическое измерение политических действий становится особенно важно в текущий «переходный» период развития международных отношений, когда государства в повышенной мере полагаются на меры безопасности, взаимодействуя друг с другом и иными акторами. Пытаясь ответить на этот вызов, авторы известной в науке о международных отношениях теории секьюритизации предлагали процесс десекуритизации, который подразумевает обсуждение и устранение угроз в рамках демократического политического пространства и отказ от использования чрезвычайных мер [10]. Тем не менее ряд исследователей полагает, что сама по себе десекуритизация не является достаточно надежной стратегией, так как наличие объективных экзистенциальных угроз зачастую диктует необходимость прибегать к чрезвычайным мерам [7]. Описанная проблема способствует актуализации идеи о том, что вопросы безопасности и применения чрезвычайных мер могут и должны регламентироваться общими моральными нормами. Одним из подходов к подобной регламентации стала теория справедливой секьюритизации, вдохновленная классической традицией справедливой войны. Главная цель такого подхода заключается в том, чтобы сформировать набор критериев, согласно которым перевод той или иной проблемы в категорию «угрожающих» и последующее применение мер безопасности могут быть сочтены морально обоснованными [10]. Однако, прежде чем применять данную теорию на практике, необходимо убедиться, что она в достаточной степени надежна (*robust*) [12, с. 1] и ее реализация не будет контрпродуктивна.

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении и обосновании как практических, так и концептуальных противоречий теории справедливой секьюритизации путем их анализа на конкретных примерах международной политики. Для достижения этой цели используется такой метод, как сравнительный анализ. Результаты проведенного анализа помогут более точно определить место и роль морально-этических норм в контексте стратегических интересов государств, что позволит углубить понимание пределов применимости нормативных подходов в сфере международной безопасности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Концептуальные основы теории секьюритизации были сформулированы представителями Копенгагенской школы — Барри Бузаном, Оле Вевером и Япом де Вильде. Согласно их подходу, угрозы безопасности не являются частью объективной реальности, а представляют собой результат социального и политического конструирования. Это означает, что безопасность не обладает самостоятельным значением вне процесса ее артикуляции: любая проблема может быть представлена как вопрос национальной и международной безопасности, если соответствующие акторы успешно закрепляют такой дискурс в общественном и политическом пространстве [1].

Следовательно, безопасность рассматривается не как статичное состояние, а как перформативный акт, в ходе которого политические и общественные акторы утверждают, что определенная проблема представляет собой экзистенциальную угрозу для объекта-референта, которым могут быть государства, окружающая среда, экономическая стабильность, конкретное сообщество и т. д. Если аудитория принимает это утверждение, проблема подвергается «секьюритизации», что позволяет оправдать применение чрезвычайных политических мер, выходящих за пределы стандартных процедур [2, с. 41].

Таким образом, теория секьюритизации в первоначальной формулировке представляет собой аналитический инструмент: используя ее, исследователи могут изучать, кто инициирует секьюритизацию, по каким вопросам, с какой целью и в каких условиях [20]. Изначально теория была сосредоточена преимущественно на речевых актах, фокусируясь на роли языка в трансформации рутинной политической проблемы в кризисный приоритет. Однако со временем ее фокус расширился, включив в себя изучение влияния социального контекста и институционального позиционирования [3, с. 504].

НОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ И ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

В рамках исследований секьюритизации проблемам этики (нормативной оценке секьюритизации как практики) традиционно уделялось небольшое внимание. В качестве нормативного ориентира представители Копенгагенской школы предлагали процесс десекуритизации, который подразумевает обсуждение и устранение угроз в рамках демократического политического пространства и отказ от использования чрезвычайных мер [10, с. 531]. В то же время вопрос морали самого процесса секьюритизации в значительной мере игнорировался. Однако согласно ряду исследований сама по себе десекуритизация не является достаточно надежной стратегией, так как наличие объективных экзистенциальных угроз зачастую диктует необходимость прибегать к чрезвычайным мерам. Более того, исследования нормативных аспектов секьюритизации позволили бы проводить этическую и политическую критику ее практик, дополняя аналитическую работу самой теории [18].

Одним из примеров осмысления теории секьюритизации с нормативных позиций является работа Райтовена [19]. В ней он описывает «дилемму секьюритизации», которая подразумевает, что секьюритизация, будучи мощным инструментом политической мобилизации, несет в себе риски непреднамеренных и опасных последствий вследствие неопределенности.

Райтовен приходит к выводу, что, признав «дилемму секьюритизации», аналитики могут разрабатывать и предлагать более этичный и эффективный подход к обеспечению безопасности. Это предполагает выход за рамки упрощенного фокуса на угрозах и приоритет благоразумных суждений, сдержанности и более глубокого понимания неопределенной и непредсказуемой природы социально-политических обстоятельств [19, с. 489].

Более масштабной попыткой сформулировать всеобъемлющую нормативную модель секьюритизации стала теория справедливой секьюритизации, предложенная Ритой Флойд [8]. Эта теория вдохновлена классической традицией справедливой войны. Главная цель такого подхода заключается в том, чтобы сформировать набор критериев, согласно которым перевод той или иной проблемы в категорию «угрожающих» и последующее применение мер безопасности могут быть сочтены морально обоснованными. Во-первых, инициирование секьюритизации должно быть справедливым. Это включает в себя такие требования, как наличие объективной экзистенциальной угрозы, морально оправданного референтного объекта (того, что подлежит защите), благого намерения (*right intention*) и весомой вероятности успеха. Во-вторых, процесс секьюритизации должен осуществляться справедливо. Это означает, что принимаемые меры безопасности должны быть целенаправленными, эффективными и минимально ограничивать свободу общества и отдельных его членов. Наконец, секьюритизация должна завершаться справедливо, то есть прекращаться, как только угроза нейтрализована, или немедленно, если ее продолжение становится несправедливым [16].

Таким образом, Флойд предлагает описанную теорию в качестве основы для оценки моральной обоснованности попыток секьюритизации, стремясь преодолеть разрыв между исследованиями безопасности и нормативной теорией.

Однако, прежде чем реализовывать предлагаемые таким подходом меры, необходимо убедиться в его внутренней непротиворечивости. Для выполнения этой задачи представляется обоснованным критически рассмотреть теорию справедливой секьюритизации, иллюстрируя ее противоречия и слабые стороны кейсами из опыта мировой политики.

КРИТИКА ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Во-первых, теория справедливой секьюритизации предполагает наличие объективной экзистенциальной угрозы как необходимого условия для оправданной секьюритизации [8, с. 31]. Это означает, что для применения чрезвычайных мер государства должны доказать объективность и реальность угрозы, а не основывать свои действия на субъективных восприятиях или политических интересах. Однако в действительности это требование оказывается практически невыполнимым. Понятие угрозы часто является результатом субъективных интерпретаций политических мотивов и стратегических расчетов акторов, которые заинтересованы в проведении секьюритизации и реализуют ее. Другими словами, установление единого, универсального и объективного критерия оценки угрозы представляется невозможным в силу того, что субъективные восприятия угроз неизбежно формируются в контексте конкретных исторических политических и социальных обстоятельств и интересов [14].

Одним из наиболее известных примеров, демонстрирующих это противоречие, является вторжение США в Ирак в 2003 году. Американское правительство обосновало необходимость военной интервенции наличием у Ирака оружия массового поражения, что представляло объективную опасность региональной и мировой безопасности. Президент Джордж Буш Младший и его администрация приводили разведданные и свидетельства, чтобы убедить американскую и мировую общественность в объективности и значительности этой угрозы. Однако последующее расследование и международные проверки

выявили отсутствие оружия массового поражения у Ирака, а также показали, что представленные ранее доказательства были недостоверными или преувеличенными¹. Таким образом, характер обоснования политики секьюритизации в отношении Иракской республики имел произвольный, субъективный и манипулятивный характер [12].

Описанный кейс иллюстрирует одну из фундаментальных уязвимостей теории справедливой секьюритизации — невозможность достоверно верифицировать объективность представляемой угрозы и отличить ее от субъективного конструкта, являющегося результатом политической манипуляции в интересах акторов, которые принимают решения о применении чрезвычайных мер.

Во-вторых, важнейшими критериями справедливой секьюритизации являются пропорциональность и минимизация ущерба [8]. Эти критерии предполагают, что меры по обеспечению безопасности должны быть строго ограничены необходимостью реагирования на конкретную угрозу, при одновременном сведении их негативных последствий для общества к минимуму. Однако соблюдение данных критериев представляется крайне проблематичным в рамках политического процесса. Например, после террористических актов 11 сентября 2001 года ряд государств, включая США, оправдывали введение чрезвычайных мер необходимостью предотвращения террористических атак. Одним из проявлений этой политики стало принятие в США в октябре 2001 года федерального закона, который наделял правительство и полицию широкими полномочиями по надзору за гражданами, также известный как USA PATRIOT Act. Этот закон предусматривал широкий спектр мер, включавший увеличенные полномочия властей по сбору личных данных граждан, проведению негласного наблюдения, а также задержания без предъявления обвинений².

Формально принятие этих мер полностью соответствовало теоретическим положениям теории справедливой секьюритизации: согласно заявлениям правительства США, экстраординарные меры были пропорциональны угрозе международного терроризма и направлены на минимизацию рисков для общества. Однако на практике реализация такой политики часто приводила к нарушениям фундаментальных прав человека, включавшим незаконные задержания, пытки и массовую слежку за гражданами [17].

Впоследствии эти действия подвергались широкой критике различными правозащитными организациями и СМИ. В частности, заявлялось, что меры, предпринимаемые американскими властями, выходят далеко за рамки разумной необходимости и не соответствуют принципам минимизации ущерба и пропорциональности, закрепленным в теории справедливой секьюритизации [9].

Таким образом, рассмотренный кейс политики борьбы с терроризмом обнажает еще одну уязвимость теории справедливой секьюритизации, которая заключается в неспособности четко определить границу пропорциональности предпринимаемых экстраординарных мер и контролировать соответствующие действия агентств безопасности. Акторы, чья профессиональная задача заключается в обеспечении национальной безопасности, считают наиболее этичным само достижение этой цели, поэтому склонны пренебрегать другими моральными факторами. Следовательно, политические и бюрократические интересы, доминирующие в сфере безопасности, зачастую приводят к значительным отклонениям от этических стандартов, предписываемых нормативными теориями.

¹ The Report of the Iraq Inquiry [Электронный ресурс]. — London: HMSO, 2016. — Режим доступа: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20171123123237/http://www.iraqinquiry.org.uk/the-report/> (дата обращения: 16.07.2025).

² U.S. Department of Justice. Preserving Life & Liberty: A Department of Justice Report on the USA PATRIOT Act [Электронный ресурс]. — Washington, DC: DOJ, 2002. — Режим доступа: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 16.07.2025).

В-третьих, в международной практике секьюритизация нередко используется для оправдания политических и военных мер, которые не имеют непосредственного отношения к артикулируемым угрозам. Другими словами, проблема заключается в том, что декларируемые цели могут существенно расходиться с фактическими намерениями, обусловленными стратегическими интересами секьюритизирующих акторов. В качестве иллюстрации этого противоречия можно привести интервенцию НАТО в Ливии в 2011 году, которая была оправдана необходимостью предотвратить гуманитарную катастрофу и защитой мирного населения от действий правительственных войск Муаммара Каддафи. Однако в скором времени гуманитарная повестка уступила место более широким и стратегически направленным действиям, которые вышли за рамки изначально заявленной задачи защиты населения. В результате интервенция, начавшаяся с ограниченной задачей защиты гражданского населения, трансформировалась в полномасштабную военную кампанию по смене режима, включавшую воздушные удары по правительственным войскам и инфраструктуре, а также активную поддержку повстанцев [13]. При этом данные действия перестали соответствовать таким критериям справедливой секьюритизации, как правильное намерение (*right intention*) и четкая ограниченность целей.

Следовательно, в ходе проведения операции НАТО преследовались преимущественно политические интересы, которые выходили за рамки гуманитарных задач. Более того, интервенция привела к коллапсу государственной власти, интенсификации гражданской войны и образованию множества конфликтующих группировок, что сыграло определяющую роль в дальнейшей дестабилизации региона [6].

Таким образом, пока государства могут выборочно принимать или отбрасывать моральные критерии в соответствии со своим стратегическим расчетом, этические принципы не смогут эффективно ограничить их поведение.

В-четвертых, теория справедливой секьюритизации предполагают наличие всеобъемлющего морального-этического консенсуса. Более того, данный консенсус основан на ценностях и принципах, свойственных преимущественно странам Запада. Например, единственным политическим режимом, который можно считать легитимным референтным объектом, является либеральная демократия [8, с. 45]. Однако множество государств мира не соответствуют признакам либеральных демократий и не считают этот политический режим подходящим для себя в силу различных причин [15]. Следовательно, в системе, состоящей из отдельных государств, моральный консенсус всегда будет оказываться раздробленным по национальному признаку. Более того, стремление к такому моральному консенсусу также несет значительные риски. Например, согласно критериям теории справедливой секьюритизации политический режим Башара Асада в Сирии не мог быть справедливым референтным объектом, так как не подходил под рамки либеральной демократии. Следовательно, политические элиты Сирии и внешние акторы не имели этических оснований прибегать к секьюритизации в случае возникновения угрозы смены режима. Однако установление новой власти привело к массовым расправам над частью населения Сирии³. Таким образом, критерии теории справедливой секьюритизации не учитывают, что отказ от защиты референтного объекта, не соответствующего сформулированным политическим стандартам, может привести к еще более тяжелым последствиям, тем самым усугубив проблему безопасности.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что теория справедливой секьюритизации сталкивается с четырьмя взаимосвязанными проблемами: невозможностью объективно верифицировать угрозу, нарушениями принципов пропорциональности и минимизации

³ Расправа над алавитами: за два дня столкновений в Сирии погибли более тысячи человек. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2025. – URL: <https://rg.ru/2025/03/09/ap-za-dva-dnia-v-hode-stolknovenij-v-sirii-pogibli-bolee-tysiachi-chelovek.html> (дата обращения: 09.03.2025).

ущерба, инструментализацией гуманитарных мотивов в пользу стратегических интересов и узким ценностным основанием, предполагающим универсализацию западного эталона. В результате этические критерии, будучи не способными эффективно регулировать практику чрезвычайных мер, выступают в качестве риторического ресурса, служащего для оправдания той или иной политики безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на теоретическую привлекательность и амбициозность нормативного подхода к секьюритизации, реализация этой теории в пространстве реальной политики представляется крайне проблематичной.

Во-первых, постулируя требование наличия объективной экзистенциальной угрозы для проведения секьюритизации, данная теория не предлагает, каким образом эту объективную угрозу действительно можно определить. Во-вторых, международный опыт показывает, что критерии пропорциональности и минимизации ущерба часто игнорируются под давлением политических и бюрократических интересов. В-третьих, часто секьюритизация может использоваться государствами для оправдания действий, направленных на достижение стратегических целей, которые не имеют непосредственного отношения к артикулируемым гуманитарным угрозам. В-четвертых, теория справедливой секьюритизации предполагает наличие универсальных морально-этических норм. Однако в реальности международные акторы обладают различными культурными и идеологическими ориентирами, вследствие чего универсальные нормативные критерии не могут эффективно регулировать их поведение.

Таким образом, политическая реальность демонстрирует, что в международных отношениях морально-этические принципы регулярно подчиняются стратегическим и национальным интересам государств. В результате нормативные подходы в исследованиях безопасности остаются ограниченно полезными для практического анализа и прогнозирования действий государств. Можно констатировать, что на данном этапе развития международных отношений нормативные теории представляют скорее риторические способы для оправдания политических решений, чем эффективные инструменты исследования и анализа проблем международной безопасности.

Для того чтобы нормативные подходы могли оказывать реальное влияние на практику международных отношений, необходимы институциональные механизмы наднационального регулирования и принуждения, которые на данный момент отсутствуют. Остается под вопросом, могут ли они вообще быть созданы в силу того, что морально-этические нормы универсальны только в самом общем виде («не убий»), а в политической практике они наполняются содержанием, которое зависит от целей, ценностей, обычаев, политической культуры конкретного общества или государства.

Литература / References:

1. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32 / Gaidayev, O. S. (2021) Theory of securitisation, or the well-forgotten old: to the question of theoretical and philosophical origins and the origin of the theory // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*. Series: International Relations. Vol. 21, No. 1. Pp. 20–32. (In Russ.)
2. Декальчук А. А. Проникновение философских концепций в теорию международных отношений (Случай теории речевых актов Джона Остина и теории секьюритизации Оле Вевера) // Философские науки. 2013. № 8. С. 39–50 / Dekalchuk, A. A. (2013) The

penetration of philosophical concepts into the theory of international relations (The case of John Austin's speech act theory and Ole Wever's securitisation theory) // *Philosophical Sciences*. No. 8. Pp. 39–50. (In Russ.)

3. Balzacq, T., Léonard, S., Ruzicka, J. (2016) 'Securitization' revisited: Theory and cases // *International relations*. Vol. 30, No. 4. Pp. 494–531.

4. Booth, K., Wheeler, N. J. (2008) The security dilemma // *Fear, Cooperation and Trust in World Politics*, Basingstoke and New York: *Palgrave Macmillan*.

5. Browning, C. S., McDonald, M. (2013) The future of critical security studies: Ethics and the politics of security // *European journal of international relations*. Vol. 19, No. 2. Pp. 235–255.

6. Chivvis, C. S. (2015) The French War on Al Qa'ida in Africa. *Cambridge University Press*.

7. Floyd, R. (2011) Can securitization theory be used in normative analysis? Towards a just securitization theory // *Security Dialogue*. Vol. 42, No. 4–5. Pp. 427–439.

8. Floyd, R. (2019) The morality of security: A theory of just securitization. *Cambridge University Press*.

9. Guild, E. (2013) Security and Migration in the 21st Century. *John Wiley & Sons*.

10. Hansen, L. (2012) Reconstructing desecuritisation: the normative-political in the Copenhagen School and directions for how to apply it // *Review of international studies*. Vol. 38, No. 3. Pp. 525–546.

11. Hartnett, S. J., Stengrim, L. A. (2004) "The whole operation of deception": Reconstructing President Bush's rhetoric of weapons of mass destruction // *Cultural Studies? Critical Methodologies*. Vol. 4, No. 2. Pp. 152–197.

12. Kirshner, A. S., Spinner-Halev, J. (2024) Why political philosophy should be robust // *American Political Science Review*. Vol. 118, No. 4. Pp. 1658–1670.

13. Kuperman, A. J. (2013) A model humanitarian intervention? Reassessing NATO's Libya campaign // *International Security*. Vol. 38, No. 1. Pp. 105–136.

14. McDonald, M. (2008) Securitization and the Construction of Security // *European journal of international relations*. Vol. 14, No. 4. Pp. 563–587.

15. Mearsheimer, J. (2024) The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities / Translation from English. Sevastopol: Tavria. 440 p. (In Russ.) / Миршаймер Дж. Великое заблуждение: Либеральные мечты и международные реалии / Перевод с английского. Севастополь: Таврия, 2024. 440 с.

16. Sahu, A. K. (2021) From securitization to just securitization and just desecuritization: establishing synergy between ethics and security.

17. Salter, M. B., Mutlu, C. E. (2013) Securitisation and Diego Garcia // *Review of International Studies*. Vol. 39, No. 4. Pp. 815–834.

18. Smith, C. S., Hung, L.-C. (2010) The patriot act: Issues and controversies. *Charles C. Thomas Publisher*.

19. Taureck, R. (2006) Securitization theory and securitization studies // *Journal of International relations and Development*. Vol. 9. Pp. 53–61.

20. Van Rythoven, E. (2020) The securitization dilemma // *Journal of Global Security Studies*. Vol. 5, No. 3. Pp. 478–493.

21. Wæver, O. (1993) Securitization and desecuritization. Centre for Peace and Conflict Research. *Copenhagen*.

Для цитирования / For citation:

Алексеев Р. А. От этических иллюзий к политической реальности: критика нормативных подходов в исследованиях о международной безопасности // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2025. – Т. 11. – № 4 (32). – С. 21–28.